

Максім
БАГДАНОВІЧ

Максім
БАГДАНОВІЧ

**БЕЛАРУСКАЕ
АДРАДЖЭННЕ**

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”
1994

Багдановіч Максім

Б 14 Беларускае адраджэнне: Літаратурныя артыкулы / Прадм. У. М. Лазоўскага. — Мн.: Універсітэцкае, 1994. — 32 с.

ISBN 985-09-0081-4.

У брашуры змешчаны літаратурныя артыкулы М. Багдановіча „Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталення” (1911) і „Белорусское возрождение” (1914), якія не страцілі сваёй навуковай вартасці і сёння, калі беларускае народнае адраджэнне сапраўды стала рэальнасцю. Ём папярэднічае прадмова праф. Белдзяржуніверсітэта У. М. Лазоўскага.

Разлічана на шырокае кола чытачоў, усіх, хто цікавіцца гісторыяй беларускага культурнага адраджэння.

0030000000 — 049
Б М317(03) — 94 БЗ 140 — 94

ББК 81.2(4Бел) — 8 + 63.3(4Бел)

Навукова-папулярнае выданне

Багдановіч Максім

БЕЛАРУСКАЕ АДРАДЖЭННЕ

Літаратурныя артыкулы

Рэдактар Л. М. Самасейка. Мастак Г. І. Кійко. Мастацкі рэдактар В. Я. Ярмоленка. Тэхнічны рэдактар В. П. Безбародава. Карэктар Н. А. Соціна. Аператар Т. В. Ганчарык.

Падпісана да друку 17.10.94. Фармат 84х108/32. Папера друкарская № 2. Гарнітура Прэс Раман. Афсетны друк. Ум. друк. арк. 1,68. Ум. фарб.-адб. 1,89. Ул.-выд. арк. 2,0. Тыраж 3000 экз. Заказ 5371.

Выдавецтва „Універсітэцкае” Міністэрства культуры і друку Рэспублікі Беларусь. Ліцэнзія ЛВ № 9. 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Надрукавана з арыгінала-макета выдавецтва „Універсітэцкае” ў друкарні „Перамога”. 222310, Маладзечна, вул. Таўлая, 11.

ISBN 985-09-0081-4

© Максім Багдановіч, 1994
© У. М. Лазоўскі. Прадмова, 1994

ПРАДМОВА

Максім Багдановіч вядомы як паэт, празаік, перакладчык з іншых моў на беларускую, а таксама як вучоны-філолаг. Яго па праву называюць адным з заснавальнікаў навуковай гісторыі і крытыкі беларускай літаратуры. Такія артыкулы М. Багдановіча, як „Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталення”, „Белорусское возрождение” і інш., не страцілі сваёй навуковай вартасці і сёння, калі беларускае нацыянальнае адраджэнне сапраўды стала рэальнасцю.

У працы М. Багдановіча „Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталення” выкладзены нетрадыцыйныя погляды на паходжанне беларускай пісьменнасці, якая, як і пісьменнасць іншага славянскага народа, звязана з гісторыяй славян. Доўгі час славяне захоўвалі сваё адзінства, умацоўвалі яго, аб’ядноўваючы вакол сябе мірных суседзяў, раствараючы і паглынаючы розных часовых заваёўнікаў, якія паступова прымалі славянскую культуру і мову. Відаль, у працэсе гістарычнага развіцця славянам стала цесна на сярэднім цячэнні Дуная (іх праардзіма. — У. Л.), і яны пачалі рассяляцца з захаду на ўсход — ад Дуная да Дняпра, з поўдня на поўнач — ад Балкан да Балтыкі. Такім чынам, распалася вялікая агульнаславянскае адзінства плямён. Па сведчаннях гісторыкаў, адбылося гэта ў VI ст. н. э. У адпаведнасці з месцам рассялення славян іх сталі называць усходнімі (па Дняпры, Заходняй Дзвіне і далей на поўнач), заходнімі (на поўнач ад Карпат па Вісле і Одэры) і паўднёвымі (за Карпатскімі гарамі на Балканах). Для кожнай з гэтых трох груп, аддзеленай цяпер ад іншых бяскрайнімі прасторами, некранутымі нетрамі лясоў, высокімі гарамі і чужымі народамі, пачаўся свой самастойны гістарычны шлях. Усходнія славяне пасля вылучэння іх з агульнаславянскага адзінства плямён ці „на самым гістарычным гарызонце” (М. Багдановіч) распаліся на дробныя групы плямён ці „народцы” (М. Багдановіч). Кожная з такіх дробных груп мела асобны „грамадзянскі лад, асобныя звычкі і, напэўна, адметнасці ў гаворцы” (М. Багдановіч). У працэсе гістарычнага развіцця паасобныя групы гэтых плямён на аснове адзінства мовы, аднолькавасці геаграфічна-кліматычных умоў, падабенства эканамічнага ўкладу, сталі аб’ядноўвацца, утварыўшы такім чынам беларускую, рускую і ўкраінскую народнасці ці „народы” (М. Багдановіч). Паралельна з названымі фактарамі немалаважную ролю ў фарміраванні ўсходнеславянскіх народнасцей і іх моў адыгралі працэсы асіміляцыі ўсходнеславянскімі плямёнамі папярэдніх мясцовых плямён. У працэсе ўтварэння беларускай народнасці такімі плямёнамі былі балцкія, рускай — угра-фінскія, украінскай — цюркскія.

У XIII ст. на эканамічным і культурным грунце старадаўніх Полацкага, Турава-Пінскага і Смаленскага княстваў сфарміравалася магутная па тым часе сярэднявечная Беларуская дзяржава — Вялікае Княства Літоўскае са сваёй самастойнай мовай, якая зараз называецца старабеларускай. Спачатку на Беларусі, як і ў іншых усходніх славян, пісалі на царкоўнаславянскай мове, хаця ніякі з усходнеславянскіх „народоў” на гэтай мове не гаварыў. Як вядома, занялося да нас хрысціянскае духавенства з Балгарыі (X ст.). Першапачаткова амаль

што не ўсе пісьмовыя творы былі напісаны на царкоўнаславянскай мове, бо найвялікшую колькасць граматных людзей складалі асобы з духавенства. Гэтак жа на царкоўнаславянскай мове пісаліся і першыя летапісныя творы і дзяржаўныя дакументы, „вырабленыя кніжнікамі для кніжнікаў” (М. Багдановіч). У далейшым у царкоўнаславянскую мову летапісных твораў і дзяржаўных дакументаў усё больш і больш пранікае жывая тагачасная народная гаворка. Такое ўзаемадзеянне царкоўнаславянскай мовы і народных гаворак спрыяла фарміраванню старабеларускай пісьмовай мовы, якая значна адрознівалася ад рускай і ўкраінскай.

Гэтаму працэсу садзейнічала і з’яўленне мастацкіх твораў, напісаных на фальклорнай аснове. Найбольш вядомым сярод іх стала „Слова аб палку Ігаравым” (XII ст.), два „кавалкі” (М. Багдановіч) якога, прысвечаныя князям Ізяславу і Усяславу, утрымліваюць у сваім складзе характэрныя для беларускай моўнай стыхіі вобразы і параўнанні: „скакануў лютым зверам”, „скакануў воўкам”, „воўкам рыскаў”, „воўкам пущіну перабягаў” і інш. Толькі той, хто душэўна зліты з хлебаробам і „хлебаробствам” (М. Багдановіч) мог ужыць пры апісанні бітвы на Нямізе такія выразы, як „снаты сцелюць галавамі, малоццаш цапамі харалужнымі”, „веюць душу ад цела”, „Нямігі крывавыя берагі” і інш.

Аднак іншых паэтычных твораў, якія напісаны на тагачаснай мове народа, было няшмат. Паколькі пісьменніцкая творчасць глушылася мёртвай царкоўнаславянскай мовай, то, як слушна сцвярджае М. Багдановіч, узрост нашай старабеларускай пісьмовай мовы суадносіцца з часам вядзення на ёй перапіскі, афармлення афіцыйных дзяржаўных і іншых дакументаў. М. Багдановіч выдзяляе два этапы ў гісторыі старабеларускай пісьмовай мовы ранняга перыяду: XIII — XIV ст. і XV ст. На першым з іх з’явіліся шматлікія граматы (жалаваныя, дагаварныя, укладныя і інш.), дагаворы, напісаныя з выразнымі фанетыка-марфалагічнымі беларускімі рысамі. На другім этапе, калі ўжо існавала Вялікае Княства Літоўскае, было створана мноства разнастайных у жанравых адносінах пісьмовых помнікаў, якія напісаны на вельмі багатай і развітай старабеларускай мове.

У культуралагічнай працы М. Багдановіча „Белорусское возрождение” ў сціслай форме прасочваецца гісторыя беларускай культуры ад часу фарміравання старабеларускай народнасці да пачатку XX ст. Даследуецца нацыянальная культура ў яе суадносінах з іншымі заходнееўрапейскімі, а таксама роля мастацкай літаратуры, пісьменнікаў-асветнікаў, навукоўцаў і педагогаў у развіцці нацыянальнага руху.

У культурным развіцці Беларусі было шмат агульнага з заходнееўрапейскімі краінамі: пісьмовай мовай была царкоўнаславянская, на якой народ не гаварыў, як у заходнееўрапейскіх краінах — лацінская, на якой таксама ніводзін заходнееўрапейскі народ не гаварыў. Абедзве гэтыя мёртвыя мовы былі прыдатныя для рэлігіі, навукі, але не для мастацкай літаратуры, якая на Беларусі, як і ў Заходняй Еўропе, по-сапраўднаму стала развівацца толькі на аснове жывой народнай гаворкі.

Усеагульны „разумовы пад’ём” (М. Багдановіч), які пачаўся ў эпоху Адраджэння па Захадзе, ахапіў і Беларусь, з’явіліся першыя ў гісторыі усходняга славянства беларускія кнігі (XVI ст.), шматлікія друкарні, сярэднія і вышэйшыя навучальныя ўстановы. У выпрацоўцы норм беларускай культуры ўдзельнічала не толькі „серая деревня” (М. Багдановіч), але і „торговый город европейского типа” (М. Багдановіч). Лёс беларускай культуры, як і заходнееўрапейскіх культур, быў у шмат чым агульным, таму што сярэднявечная беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае практычна інтэгрывалася ў Еўропу. Аднак працэс гэтай інтэграцыі быў практычна затарможаны, а затым паступова і перапынены пасля Люблінскай уніі 1569 г. У выніку Вялікае Княства Літоўскае з часам страціла сваю самастойнасць, дзяржаўнасць, а паралельна з гэтым і родную мову, якая выпянялася з ужытку, а пасля была забаронена (1696 г.). Пачаліся змрочныя часы ў гісторыі Беларусі і яе культуры: зніклі друкаваныя па-

ларуску кнігі, друкаваная літаратура замянялася рукапіснай. Сярод гэтай рукапіснай літаратуры асноўнымі былі камедыі і вершаваныя творы гумарыстычнага зместу.

М. Багдановіч паказвае, што далучэнне Беларусі да Расіі (1795 г.) першапачаткова не выклікала ніякіх перамен, і толькі з 40-х гадоў XIX ст. пачалося спярша скрытае, а затым і афіцыйнае выпяненне беларускай мовы і ўсіх тых атрыбутаў, якія складаюць змест беларускай культуры.

Навукова-тэарэтычная інтэрпрэтацыя літаратурнага працэсу ад глыбокай старажытнасці да пачатку XX ст. была прынята, падтрымана, развіта і дапоўнена навукоўцамі паслябагдановічаўскага перыяду.

У. М. Лазоўскі

КАРОТКАЯ ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ПІСЬМЕННАСЦІ ДА XVI СТАЛЕЦЦЯ

§ 1. Дасюль яшчэ навука, далёка ўрыўшыся ў глыб мінулых гадоў, не здолела высачыць да канца цікавае перапляценне ўрослых у дагістарычную глебу каранёў, на каторых трымаецца „трыедзінае” дрэва расійскага народа. Ужо тое ж, што абрысавалася перад намі праз імглу сталеццяў на самым гістарычным гарызонце гісторыі, зліваючыся з вобласцю невядомага, сведчыць аб культурным драбленні расійскіх славян. Ужо з самага пачатку распадаліся яны на шмат народцаў, кожны з каторых меў асобны грамадзянскі лад, асобныя звычаі і, напэўна, адменнасці ў гаворцы. Але патроху гурткі плямён, жыўшых пры адзінакавых геаграфічна-кліматычных варунках, сціскаліся імі ў адно цэлае, меўшае адзінакавы эканамічны і грамадзянскі быт, мову і так далей; з другога ж боку, і мяжа, раздзяляючая гэтыя краёвыя культуры, углыблялася ўсё болей і болей павэдлуг развіцця крышталізацыі іх, павэдлуг пашырэння і ўмацавання асобнасцей кожнае часткі ўсяго краёвага масіва. У ходзе гэтых двух напаўняўшых адзін аднаго рухаў ужо к канцу трынаццатага сталецця адліліся ў даволі ўстойчыя формы чатыры рускія народы: беларускі (каторы склаўся з плямён крывічоў, дрыгавічоў, радзімічаў і дулебаў), велікарускі, украінскі і наўгародскі. У гэтую ж пару дайшлі яны і да гасударственнага расстання: украінцы на доўгі час былі вычаркнуты татарскімі набегамі з кнігі жыцця, а ўсё астатняе пачало гуртавацца ўкруг двух незалежных ядзер — Літвы і Масквы, шпарка абрастаўшы вакольнымі вобласцямі. Маскве выпала на долю быць цэнтрам вырабляўшагася тады з славян ды фінаў велікарускага народа, яшчэ не меўшага моцных каранёў у засялёным ім краю, страціўшага амаль не ўсе звязкі з мацярынскай кіеўскай культурай і прымушанага новымі варункамі жыцця будаваць свой быт на іншых асновах. Беларускі ж народ, цалкам увайшоўшы ў Літоўскае гасударства, развіваўся,

як і раней, на старым корані, вытвараючы такім парадкам культуру, незалежную ад культуры велікарускай і з самага ж пачатку адражняўшуюся ад яе. Адным з бакоў гэтага развіцця быў узрост беларускай пісьменнасці, каторая з таго часу патроху становіцца на пэўны грунт.

§ 2. Спачатку на Беларусі, як і ў іншых расійскіх краях, пісалі толькі так званай царкоўнаславянскай мовай, каторай, адначасна, ніякі славянскі народ не гаварыў. Заняло яе да нас хрысціянскае духавенства, браўшае патрэбныя для царквы кнігі ад балгар і сербаў, бо расійскія славяне ўласнай граматы вытварыць не здолелі. Пісаліся ж гэтыя кнігі царкоўнаславянскай мовай, каторая, можа, і мела б права называцца ў свой час агульнарасійскай, бо калісьці ўжывалася ўсімі грамадзянскімі людзьмі. Найвялікшую частку іх складалі асобы з духавенства, іншы раз не расійцы родам і, канешне, узгадаваныя ў царкоўнай славяншчыне. Гэтае апошняе наклала яркае кляймо на тагачасную пісьменнасць: яна амаль што не ўся ўкладывалася ў вузкія рэлігійныя межы; новыя галіны яе, як, напрыклад, летапісы альбо творы да гасударственнага пажытку, вырабленыя кніжнікамі для кніжнікаў, з’яўляліся ўсё ў тэй жа царкоўнаславянскай мове. І доўга, як нікчэмны пясок, наносным, асобным, маруда зліваючыся слоём ляжала гэтая пісьменнасць на сваім тлустым падглебі — народнай гаворцы, — але зусім не злівацца яны не маглі. Увесь час у кніжную мову прасачывалася, урасталая народная і, павэдлуг абасаблення трох расійскіх культур, разрывала яе на тры часткі, кожная з каторых вырабляла ўласны нацыянальны выгляд. Такім парадкам фарміраванне нашай пісьменнасці было марудным, але ўсё ўзрастаючым усасываннем краёвай царкоўнаславянскай пісьменнасцю беларускіх народных слоў і зваротаў, каторыя, накапліваючыся на працягу сталеццяў, нарэшце, у корані перарабілі яе. Але была і яшчэ адна пучына: з цёмных глыбін народнай творчасці магла ўсплыць наверх і адзначыцца на соннай гладзі пісьменнасці тая альбо іншая рэч. Зрабілася такое здарэнне, праўда, толькі адзін раз, але з яго і пачынаецца гісторыя беларускай пісьменнасці.

§ 3. У 1795 гаду быў знойдзены маскоўскі зборнік (XVI сталецця), у каторы паміж іншым увайшло і „Слова аб палку Іграве”, вытваранае каля XII века на Паўднёнай Русі. Яно неакуратна злеплена з рознакалёрных, незалежных адзін ад аднаго кавалкаў, з’яўляўшыхся ў розныя часы і ў розных месцах; папалі туды і два заходнерасійскія паданні, так жа сама не маючыя нічога супольнага з асноўным ядром „Слова” і, безагаворачна, прымазаныя да яго, як калісьці ўмазвалі вялізныя каменні ад старадаўніх разваліўшыхся муроў у пазнейшыя будоўлі. Абодва яны пачалі ўжо перарабляцца ў песні,

калі былі на паўпуці зупынены і недаразвіўшыміся засушаны на паперы, як цвяткі якогась гербарыя. Але і такімі квапяць нас гэтыя творы, дзе, нагадваючы асобнасці загавораў, пад наплывам чуцця знікае звычайнае сцапленне слоў, усюды прабіваецца хоць і змяняючыся, але напружаны рытм, выклад робіцца сціснутым, мова моцнай, і ўжо пачынаюць фарміравацца пекныя вобразы. Пазнаёмімся ж з абодвымі гэтымі заспіртэванымі зародышамі, зберагаўшыміся сотні год.

Песня пра князя Ізяслава, каторы „пазваніў мячамі аб ша-
ломы літоўскія... а сам, ізрублены, пад чырвонымі шчытамі,
на крывавай траве, ускапіў на гэтае ложка славу і прамовіў:
„Дружыну тваю, княжа, скрыдлы птах прыадзелі і звяры кроў
палізалі”. Песня гэта наўсягды астанецца надзвычайным
прыкладам згущонасці пачування, сціснутасці руху выкладу.
Быццам стрымовываючы кожным словам душэўнае хваляван-
не, расказана цэлая жыццёвая драма і расказана так, што нічо-
га не можна прыбавіць альбо адкінуць.

Другая *песня-казка* апавядае ўжо пра князя *Усяслава*, ка-
торы „атварыў вароты Ноўгарада, расшыб славу Яраслававу і
датаркнуўся кап’ём да залатога трону Кіеўскага”; яна, праўда,
не мае такой стройнасці ў агульнай будоўлі выкладу, як пер-
шая, але затое проста перапоўнена вобразамі і сраўненнямі,
каторыя ўсе – з пачатку да канца – узяты з мужыцкай глебы,
з быту народа-земляроба, пракладваючага свае боразны сярод
бяскрайных лясоў; толькі ён, загублены ў драмучых пушчах і
балотах, мог на працягу некалькіх строк столькі раз успамя-
нуць адзін і той жа выраз „скакнуў лютым зверам”, „скакнуў
воўкам”, „воўкам рыскаў”, „воўкам пціну перабягаў”. Толь-
кі народ, усімі думкамі, усім рухам жыцця свайго прыкуты да
хлебаробства, мог апісываць бітву ў такіх словах: „На Нямізе
(рацэ) снапы сцелюць галавамі, малоцяць цапамі харалужнымі,
на таку жыццё кладуць, веюць душу ад цела. Нямігі крывавыя
берагі не збожжам былі пасеяны – пасеяны касцямі рускіх сы-
ноў”. Вось да якой моцнасці і вобразнасці выкладу дайшоў
беларускі мужыцкі народ, вось якія краскі паззіі ўзрасталі ка-
лісьці на яго палях!

§ 4. Кінуўшы, такім парадкам, погляд на два заходнерасій-
скія каштоўныя каменьчыкі-самародкі, устаўленыя ў штуч-
ную аправу „Слова”, пабачыўшы тое, што дала народная га-
ворка для нашай пісьменнасці, – звярнема ўвагу і на другую
яе часць, уфундаваную ўжо на „общерусской” царкоўнасла-
вянскай мове. Першае, што тут кідаецца ў вочы – гэта брак
паэтычных твораў, усюды раджаючыхся толькі ў кашульцы
роднага слова. Гляньма шырэй – і бачым агульную кволасць
пісьменніцкай творчасці, заглушанай чужым, мёртвым язы-

ком, каторы, як магільны камень, ціснуў яе, не даваў ёй вы-
прастацца, развіцца і ўшыр і ўглыб; таму ўзрост даўнейшай на-
шай пісьменнасці – гэта ўзрост перш за ўсё перапіскі ды пера-
кладаў розных старэйшых твораў, гэта, далей, узрост перароб-
кі іх і толькі на апошнім месцы – узрост творчаскага труда.
Толькі выпадкова можна пабачыць запісаным на яе скрыжа-
лях імя такога альбо іншага пісьменніка; рэдка на якой цалі яе
шэрай тканіны быў накладзены штэмпель часу і месца выраб-
кі. Адны і тыя ж рукапісы знаходзіліся як у Кіеве, так і ў По-
лацку і ў Уладзіміры, вытвараныя, напрыклад, у XI – XII ста-
лецці, чыталіся і перапісваліся нават цераз колькі сот год.
Такім парадкам, аглядаючы гэтыя творы, не знітованыя з ад-
ным якімсь іменем, часам альбо краем, мы павінны будзем
гуртаваць іх толькі па зместу, не звяртаючы ўвагі на месца і на
пару з’яўлення. Але тут жа адмецім, што развіццё беларускай
пісьменнасці ішло чым далей, тым усё больш бардзёжучым кро-
кам і павялічывалася не ў арыфметычнай, а ў геаметрычнай
прагрэсіі: так камень, ідучы да дна соннага става, робіць на яго
люстранай гладзі спачатку ледзьве відны, але што раз болей
пашыраючыся круг; такім жа парадкам узрасталі і нашая
пісьменнасць. Уважаючы на гэтае, мы разаб’ём яе на два не-
адзінакавых па сваёй велічыне і разнабачнасці кавалка, пер-
шы з каторых павінен будзе ахапіць XIII і XIV сталецці, а дру-
гі – толькі XV-е.

§ 5. Старэйшым з дайшоўшых да нас заходнерускіх рука-
пісаў дасюль астаетца дагавор, зроблены між Рыгай і смален-
скім князем у 1229 г., – першы з даволі доўгай чаргі, у каторай
месца падупаўшага Смаленска хутка заняў Полацк. Апроч та-
го, мы маем яшчэ крыху розных грамад: жалаваных, дагавор-
ных, укладных, клятвеных і інш., – а ўсяго твораў, прыстаса-
ваных да гасударственнага пажытку і з’явіўшыхся на працягу
двух сталеццяў (XIII і XIV), меецца цяпер каля 40; урэшце, збе-
раглося яшчэ пяць рэлігійных кніг – 2 спіскі Псалтыры і 3
Евангелля. Гэтым і абмяжовываецца ўвесь спадак, дастаўшый-
ся нам ад абодвух першых вякоў жыцця нашай пісьменнасці.
У параўнанні з ім можа здавацца добрым тое палажэнне, у ка-
торым яна знаходзілася на працягу XV сталецця. К гэтаму часу
Вялікае княжства Літоўскае даволі цвёрда ўстанавіла свае
межы, і беларуская зямля рэзка абасобілася ад зямель маскоў-
скіх, так што ўсе стасункі між імі, якія і былі раней, на доўгі
час абарваліся бадай што зусім. Таму ўмацовываўшаяся тады
маскоўская пісьменнасць павінна была доўгі час расці і разві-
вацца без жаднага звязку з пісьменнасцю беларускай, пала-
жэнне каторай, як мы ўжо ўказывалі, палепшылася ў параў-
нанні з папярэднімі часамі; прычынай гэтага пад’ёму трэба

прызнаць узмацаванне некалькіх важных з’явішч, каторыя ўзрасталі, падтрымываючы ўвесь час адзін аднаго. Першае, к тэй пары беларуская народная культура ўжо вырабілася ў аснаўных чартах, ужо адстаялася, пачала ацвердзяваць. Будучы больш развітай ад культуры літоўскай, яна пераважыла гэтую апошнюю на вагах гісторыі, так што ўсё гасударствае жаўццё Вялікага княства адбывалася ў беларускіх нацыянальных формах, — літоўскім было тут адно толькі названне, адзін толькі этыкет; на беларускай гаворцы ішоў суд, пісаліся акты і граматы, вяліся перагаворы з чужаземнымі гасударствамі; па-беларуску размаўлялі і вялікія князі і баяры, нават літоўцы родам, бо абеларушыванне іх ішло тады поўным ходам; звычайна, што свае духоўныя патрэбнасці яны задавальнялі з кніг у беларускай мове, каторая, да рэчы сказаць, ужо няма-ла вымыла з іх царкоўнай славяншчыны; поруч з тым і самы лік кніг павялічыўся, бо цяпер іх было можна ўжо лягчэй зразумець, ды і людзей, прыхільных да чытання, патроху прыбывала. Павэдлуг гэтага пад’ёму ў пісьменнасці і рукапісаў, належачых да XV стагоддзя, дайшло да нас значна больш чым ад папярэдняга. Адных грамат налічваецца каля 9 дзесяткаў; паміж імі асаблівую ўвагу на сябе звяртаюць два статуты, з каторых першы дан каралём Уладзіславам II між 1420 — 1423 гадамі, а другі — каралём Казімірам Ягелонавічам у 1468 гаду. Разам з тым пачалі пашырацца і непрызначаныя да гасударственнага пажытку творы, з’яўляўшыся часцей за ўсё згуртаванымі ў розныя зборнікі. Аглядаючы іх, з рэлігійных рэчаў прыйдзецца адмеціць два спіскі растлумачанай Псалтыры (Евангелля няма зусім), а так жа сама — вучыцельную пісьменнасць: паўчэнні Яфрэма Сірына і Кірыла Іерусалімскага „Сабранне слоў паўчыцельных“, „Грыгорыя, папы рымскага, гутаркі“ і інш. — усё найбольш пераклады. У асобны кут трэба аддзяліць вельмі лічныя працы рэлігійна-гістарычныя, меўшыя ў свой час і навучную вагу, што дае пачасці адгледку незвычайнай прыхільнасці да іх чытачоў. Тут на першым месцы мы будзем павінны паставіць чаргу зборнікаў, зумысля прыстасаваных да толькі што памянёнай мэты; паміж імі вядомыя „Чэцы-Мінеі“, дайшоўшыя да нас у некалькіх спісках, і так званы „Пралог“ апавядалі аб розных святых, гуртуючы апісанні іх жыцця па месяцам і нават дням; тое ж самае, толькі абэцадлавым шыхам, выкладаў „Патэрык“, празваны ад гэтага „азбучным“ („абэцадлавым“); урэшце, меўся яшчэ „Патэрык Іерусалімскі“. Усе яны мелі жэралам і сваімі падобнымі ж грэцкія зборнікі. З іншых рэчаў гэтага ж кірунку назавём жыццёапісанне Іаана Златавуса, „Казанне аб багародзіцы“ і два безымянныя зборнікі: у адным знаходзіцца апавяданне пра мучэнні, смерць і ўваскра-

шэнне Хрыста, пра пакланенне яму трох каралёў і пра Аляксея — божага чалавека. У другім — тое ж самае, але апошняй стацыі няма. З твораў чыста гістарычных да нас дайшоў пераклад вядомай грэцкай „Летапісі Іаана Малалы“ і арыгінальны „Летапісец расійскіх цароў“, каторыя былі памешчаны ў адзін зборнік; апроч таго меецца „Летапісь вялікіх князёў Літоўскіх“ з дакладзенымі да яе трыма іншымі гістарычнымі стацыямі: урэшце, трэба згадаць так званую „Летапісь Аўраамкі“, склаўшуюся з некалькіх незалежных часцей: самай летапісі, займаючай болі 300 стр., спіска расійскіх князёў, судзебнага зборніка, ізноў гістарычнага пералічэння князёў, паіменавання мітрапалітаў і, урэшце, кароценькай летапісі Літоўскага гасударства, выкладзенай на 14 старонках. Гэтым і канчаецца гістарычны адзел нашай пісьменнасці, а разам з ім і навучны, бо між імі тады можна было смела паставіць знак роўнасці. Але, хоць і аднабока развітая, навука ў нас усё ж такі была і знаходзілася ў лепшым палажэнні, чым бяздольная красная пісьменнасць, да каторай не можна залічыць жаднай з меючыхся цяпер тагачасных кніг. Праўда, і ў іншых заходнееўрапейскіх землях духоўная творчасць тэй пары ішла ў гэтым напрамку надта слаба, і там, як у нас, уся грамада чытачоў і пісьменнікаў была узгадавана свяшчэннікамі і манахамі і ў вялікай часці складалася з іх саміх; сярод гэтых людзей, лічыўшых грахоўнымі і нярэдка выкараняўшых харагоды, песні і жыццерадасныя апавяданні, прыгожая пісьменнасць, вядома, развіцца не магла. Але ў нас была і яшчэ адна рэч, мяшаўшая яе нараджэнню і ўзросту, — гэта абломкі царкоўнаславянскай мёртвай мовы, яшчэ даволі густа заграмаджаўшыя тагачасныя кнігі і не даваўшыя ў пісьменнасці вольнага ходу духоўнай творчасці беларускай нацыянальнай душы.

[1911]

Друкуецца па:
Максім Багдановіч. Творы.
Мн.: Выд-не інстытута
беларускай культуры, 1928. Т. 2.

БЕЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

I

Приступая к характеристике и описанию белорусского национального движения, определим прежде всего соотношение между ним и общеевропейским прогрессом. Основные линии этого последнего обозначились твердо и ясно: именно они ведут в сторону все более и более увеличивающегося дробления культур вообще и литератур в частности. Чтобы убедиться в этом, достаточно беглого обзора цепи наиболее значительных и выпуклых фактов из истории европейских культур.

Отступив от современной пестрой и многоязычной литературной жизни вглубь, ко временам Средневековья, мы очутимся в эпохе, когда единственным крупным орудием духовной культуры в области слова был латинский язык, игравший роль языка интернационального. Всякий нечуждый умственным интересам человек, в какой бы точке Западной Европе он тогда ни жил, непременно был с ним знаком, так как знакомство это являлось необходимым условием всяческого образования. Почти все, что писалось в это время, писалось латыни. Итоги обширной литературы, возникшей таким путем, давно уже подведены и оказываются весьма многозначительными. Из них видно, что, несмотря на свою разработанность, латинский язык оказался пригодным только лишь для научных трудов; что же касается художественного творчества, то здесь в течение целых столетий никаких истинных ценностей не возникло.

Однако эти ценности сразу же начали создаваться, когда писатели (во главе с Дантом) обратились к народным европейским языкам — итальянскому, французскому, немецкому, английскому, испанскому, языкам грубым, необработанным, но живым. Конечные результаты этого движения налицо: единая для всех стран, общекультурная литература исчезла, а ее место заняли основные европейские литературы, обозначив-

шие областями своего распространения границы нескольких наиболее значительных культур.

Однако описываемый процесс на этом не только не остановился, но, неудержимо развиваясь, расширял и углублял свое русло и возрастал, так сказать, не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Вслед за культурами крупного калибра на историческую сцену выступил целый ряд более мелких: португальская, голландская, румынская, чешская, новогреческая, сербская, болгарская, фламандская, кельтская, финская, эстонская, литовская, латышская, грузинская, армянская, татарская и т. д. Это движение, докатившее свои волны до нашего времени, с каждым годом все более растет, крепнет и, расширяя сферу своего влияния, захватывает даже такие народности, как чуваша, черемисы, эскимосы и т. п.

Видное место в этом грандиозном сдвиге занимает процесс размежевания родственных культур. Одни разнородные культурные массивы прямо расползаются по шву, примером чего является обособление трех скандинавских культур, издавна слипшихся, но не слившихся в одно целое. От других отслаиваются более слабые, близкие к ним по происхождению, но все же не тождественные с ними национально-культурные единицы¹. От чешской культуры откалывается словацкая, сербской — словинская, польской — кашубская, от русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконец, белорусская². Таким образом, перед нами в лице этой последней находится не монстр, не раритет, не уникам, а глубоко жизненное явление, находящееся в русле общеевропейского прогресса. Присмотримся же ближе к ее прошлому и настоящему.

* * *

Бегло выбирая и суммируя факты, по своей общепризнанности спору не подлежащие, мы убеждаемся, что белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры великорусской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого же начала

¹ Не следует забывать и развития литератур на местных языках, не являющихся, однако, органами отдельных культур. Т. <ак> к <ак> в Италии возникают художественные произведения на всех ее 15-ти языках, в Испании растет каталонская литература, во Франции — провансальская и т. д.

² Напомним, что белорусы сплошной массой заселяют всю Могилевскую губернию, Минскую (кроме Мозырского уезда), северную часть Гродненской, восточную — Виленской, всю Витебскую губ., кроме ее верхнего угла, северную часть Черниговской (уезды Мглинский, Суражский, Новозыбковский и Стародубский), а также прилегающие ко всей этой области части губерний Сувальской, Ковенской, Смоленской. Белорусское население этой территории исчисляется 8 миллионами.

росших и развивавшихся независимо друг от друга. Разнясь между собою и по бытовым первоосновам, и по влияниям, направленным извне, и по событиям дальнейшей исторической жизни, они, естественно, пришли к далеко не тождественным конечным результатам.

Дело в том, что уже к концу XIII ст. (по авторитетному свидетельству проф. Карского) белорусская народность выступает сформировавшейся в своих основных чертах, опередив в этом отношении народность великорусскую, которая, таким образом, не могла влиять на процесс возникновения ее. Отсутствие экономических скреп между ними, географические условия, изолировавшие Белоруссию от северо-восточных земель, — все это оставляло еще меньше места для какого-либо взаимодействия. Наконец, в том же XIII веке подошли они и к государственному распытию, что еще резче обособило их: Белоруссия целиком оказалась в границах В.<еликого> К.<няжества> Литовского, а великорусские области сгруппировались вокруг Москвы. С этого времени жизнь обоих данных народов, равно как и исторические судьбы их, надолго утрачивают всякую общность.

Что касается великорусского народа, то ход его развития общеизвестен. Ассимилировав массу финских племен, усвоив их приспособленный к окружающим условиям бытовой уклад и, следовательно, отклонившись от исконного славянства как антропологически, так и культурно, он в довершение всего пережил эпоху татарщины и оказался почти совершенно отрезанным от Западной Европы.

Судьбы Белоруссии сложились иначе. Войдя полностью в состав В.<еликого> К.<няжества> Литовского, она ощутительно перетянула тяжестью своей культуры на весах истории Литву и, приобретя над ней приоритет, продолжала развиваться на своих древнеславянских корнях. „Писарь земски (т. е. государственный канцлер) маеть по-руску (т. е. по-белорусски) литерами и словы рускими вси выписы, листы и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы”, — гласила знаменитая фраза тогдашнего закона (статут 1588), а это значило, что государственная жизнь В.<еликого> К.<няжества> Литовского должна была проявляться в белорусских национальных формах. На белорусском языке творился суд, по-белорусски писались акты и грамоты, велись сношения с иностранными государствами, белорусский же язык, наконец, являлся обиходным для великого князя и его придворных. Но закрепление и развитие старых культурных основ являлось лишь одной стороной в процессе поступательного движения белорусской национальности. Быть может, не менее крупное значение имело сближе-

ние ее с Западной Европой, с которой она издавна вела оживленные сношения благодаря связям как географическим, так и экономическим. Это сближение тем более следует отметить, что именно с той поры в выработке белорусской культуры участвует не только серая деревня, но и торговый город европейского типа, город, организованный на основах магдебургского права. Он сделал белорусскую культуру более красочной, многогранной, ввел ее в оборот западно-европейской жизни и стал, таким образом, передовым форпостом Западной Европы на востоке.

Неудивительно поэтому, что в эпоху Возрождения общий умственный подъем, начавшийся на Западе, отразился и в Белоруссии. Ключом забила тут жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая религиозная, национальная и классовая борьба, организовывались братства, бывшие оплотом белорусской народности, закладывались типографии, учреждались школы с неожиданно широкой по тому времени программой (в некоторых преподавалось пять языков), возникали высшие учебные заведения (юридическая школа имени св. Яна, Полоцкая академия с правами университета и т. д.).

Все это придало широкий размах книгопечатанию, только что успевшему сделать в Белоруссии несколько первых шагов. Основу ему положил один из лучших представителей нарождавшейся тогда белорусской интеллигенции, доктор медицины и бакалавр „семи свободных наук” Франциск Скорина из славного града Полоцка. Еще в 1517–1519 гг. Скорина издал в Праге чешской „Библию зуполную”, переведя ее на белорусский язык, а затем с 1525 г. начал „выдавать” свои „битыя” книги в самой Вильне. Он, правда, не нашел себе непосредственных преемников, но когда лет через 40–50 в Белоруссии началось только что описанное мощное движение, печатная белорусская книга сыграла в нем свою роль. В различных местах Белоруссии заработали печатные станки, выбрасывая книги церковные, полемические, апологетические, ученые, учебные³. Существенным дополнением к „друкаванай” литературе явилась литература письменная, состав которой был еще разнообразнее. Особого упоминания заслуживают некоторые художественные произведения, каковы, например, прекрасная повесть о Тристане и Изольде, видение Тундала, сказание о Трое, длинный фантастический рассказ об Александре Македонском — Александрия и т. п. Параллельно этому шла созидая-

³ Отметим среди них Статут Великого Княжества Литовского, изданный в 1588 г. и являющийся капитальнейшим памятником национального белорусского права, выросшего на основе юридических начал, заложенных еще в киевский период русской истории.

тельная работа в других областях духовной жизни: отметим хотя бы полоцкие стенные росписи кисти Сальватора Розы. Все это, взятое вместе, выдвигало Белоруссию на одно из первых мест среди культурного славянства, ставя ее далеко впереди Московщины – тогдашнего славянского захолустья, питавшегося, как чужеродное растение, духовными соками Белой Руси.

Однако вслед за описанным „золотым веком” в истории белорусской культуры начался период упадка. Пограничным камнем между ними является дата уничтожения в государственном обороте В. <еликого> К. <няжества> Литовского пользования белорусским языком и замена этого последнего польским. К указанному времени, т. е. к концу XVII столетия, летаргия белорусской национальной жизни обозначилась вполне ощутительно. Литовско-русское государство, с 1569 г. связанное унией с Польшей, успело утратить львиную долю своей самостоятельности. Высший и средний слой белорусского дворянства очень быстро денационализировался. То же самое, хотя более медленно и не столь резких формах, происходило среди мелкой шляхты и городского мещанства. Лишенный классов, крепких экономически и культурно, придавленный крепостной зависимостью, белорусский народ не только не мог продолжать развитие своей культуры, но не был в состоянии даже просто сберечь уже добытое раньше. Лишь основные, первоначальные элементы культуры (вроде языка, обычаев и т. п.) удержал он за собою, а все остальное, представлявшее собою, так сказать, „сливки” его предыдущего развития, было ассимилировано, вобрано в себя польской культурой и с тех пор фигурирует под польской этикеткой будучи по существу белорусским.

Одним из наиболее печальных проявлений указанного обнищания белорусской культуры, бесспорно, следует признать почти полное исчезновение печатной книги на белорусском языке. Однако этот язык, переставший уже служить основой для культурного строительства в Литовской Руси, все еще повсеместно господствовал в домашнем обиходе многих слоев населения, даже тяготевших к Польше. Этим и объясняется широкое развитие рукописной белорусской литературы, идущее сплошь на протяжении XVII, XVIII и отчасти XIX столетий. Характер она имела главным образом чисто практический (лечебники и т. п.), хотя нередки были и исключения. Несколько поддерживало белорусскую культуру униатское духовенство, так как уния была распространена почти исключительно среди простого народа и являлась в крае как бы национальной белорусской религией. Начиная с конца XVIII столетия униатским

духовенством на белорусском языке произносились проповеди, издавались религиозные песнопения⁴ и т. п. Последним проявлением этой деятельности является изданный в 1837 г. белорусский Катехизис; через два года произошло воссоединение униатов, Катехизис сожжен, проповедь на белорусском языке воспрещена.

Еще больше значения в тогдашней белорусской словесности имеют произведения юмористического характера. Уже в XVII веке можно отметить остроумное сатирическое письмо на политические и бытовые темы, исходившее якобы от известного краснослова Мелешки и разошедшееся в массе списков по всей Белоруссии. С этого же времени ведет свое начало целый ряд белорусских комедий, писавшихся профессорами риторики из местных коллегий, а то и самими учениками. Назовем, напр. ксендза Цецерского, автора ком. <еди> „Doktor przymuszony” (1787 г.), его современника проф. риторики и поэзии в Забельской гимназии К. Морашевского и проч. Жизнь белорусской речи – качество весьма обычное в произведениях этого рода. Наконец, в половине XVII же столетия появилась стихотворная сатира на протестантского пастора, написанная и напечатанная иезуитом. По-белорусски в ней говорит (и хорошо, замечу в скобках, говорит) крестьянин Sienko Nalewajko, пытающийся разобраться в проповеди пастора, переполненной греческими цитатами. Сатира эта⁵ была едва ли не первым белорусским стихотворением⁶. Она положила начало целому ряду юмористических стихотворных вещей, обычно низкого прозного достоинства, стремящихся к тому же иной раз посмеяться не только на белорусском языке, но и над белорусским языком – прекрасное мерило культурности местного панства. Для образца укажем на плоское и написанное скверной речью подражание „Энеиде” Котляревского, принадлежащее перу смоленского помещика Ровинского (жил на рубеже XVIII – XIX стол., писал и по-русски). Наконец, к последним годам описываемого периода намечается даже некоторая радикально-демократическая струя. Об ее наличии свидетельствуют, например, трагические стихи крестьянского мальчика Петрука из-под Крошина, очень острая „Hutarka Nobilja z Rustikusom, abo szlachcica z chłopom”, хранящаяся в белорус-

⁴ Из них известны сборничек „Kantyczka”, изд. в 1774 г., и отдельные стихотв. вещицы: „Radujsia Boży narodzie”, „Nowa radaś stała”, „Caru Chryście miły”, „Kaźuć ludzi” и проч., вышедшие в 1771, 1778 и 1792 гг.

⁵ Witanie na Pierwszy Wjazd z Królewca do Kadłubka Saskiego Wileńskiego Ixa Her. N. Lutermachra, изд. в Вильне в 1642 г.

⁶ Несколько строк из Библии Скорины, напоминающих собой стихи, я в расчет не беру.

ском виленском (частном) музее, и т. п. явления. Но их уже следует считать предвестниками нового периода как в истории края вообще, так и белорусской литературы в частности.

II

Как известно, присоединение к России первоначально не произвело резких перемен в жизни белорусского народа. Нивелирование его, подгонка под общерусский ранжир, отчетливо началась только с сороковых годов, когда было отменено действие литовского статута, уничтожена уния, а вместе с тем и воспрещена проповедь по-белорусски, воспрещено (негласно) печатание белорусских книг, конфискованы ранее отпечатанные и т. п. Вот эти-то события и проводят твердую разграничительную черту в истории белорусского народа, а не простой факт расширения географической карты России. Именно с них началась в жизни Белоруссии новая глава, как началась она благодаря этому и в предлагаемой статье. Достоинство внимания, что и внутренний облик края к этому времени начал существенно меняться. Возник Виленский университет, появилась пресса, значительно увеличился спрос на книгу, начала выкристаллизовываться интеллигенция. В умственный обиход все глубже и глубже входили демократические идеи — отзвук французской революции и польских восстаний. Видны эти идеи и в указанных уже образчиках радикальной литературы и в речи с призывом к освобождению крестьян, сказанной виленским предводителем дворянства Завишей на сеймике 1818 г., и в уничтожении „прыгона” у Хрептовича, Бжостовского и проч. Это внимание к народу проявилось, конечно, и в литературе, найдя себе к тому же некоторую опору в царившем тогда романтизме, так высоко ставившем народную сказку, песню, легенду. Начали печататься белорусские этнографические материалы (Чечот и проч.), возникла на почве местного „патриотизма” особая „краевая” литература, главным образом польская⁷. Недостигаемым образцом для этих произведений был „Пан Тадеуш” Мицкевича, далеко выдвинувшийся из границ чисто местного значения. Предметом „краевой” литературы являлось описание Белоруссии, белорусской природы, белорусского крестьянства и мелкой шляхты, их повседневной жизни и обычаев. В эти описания нередко проскальзывали произведения белорусского народного творчества, встречалась и белорусская разговорная речь. Естественно, что деяте-

⁷ В русской литературе можно отметить произведения Фаддея Булгарина, уроженца Витебщины, и нек. друг.

ли этого литературного течения кое-что писали прямо по-белорусски и пробовали иной раз пустить в печать какую-либо ходившую по рукам белорусскую рукопись, обходя цензурный запрет. Несколько таких попыток можно зарегистрировать в первой половине 40-х годов. В „Маяке”, „Северной Пчеле”, альманахе „Rocznik Literacki” (изд. в Петербурге кружком лиц с белорусскими симпатиями), вышедшем за границей очерке „Białorus” Рыпинского⁸, книге Борщевского „Szlachcic Zawalnia” и проч. было так или иначе помещено несколько белорусских стихотворений⁹, впрочем, совершенно незначительных. Часть их принадлежит уже упомянутому Борщевскому, видному „краевому” писателю того времени.

Более ценен вклад в белорусскую литературу, сделанный Яном Чечотом. Близкий друг Мицкевича, он в молодости участвовал вместе с ним в известном тайном обществе „филоматов”, был в 1823 г. сослан в Оренбург, где прожил 10 лет, а затем возвратился в Белоруссию и до самой смерти занимал должность библиотекаря в Щорсовской библиотеке графов Хрептовичей. Искренний демократ, горячо любивший белорусский народ, он собирал и издавал произведения народного творчества, писал по-белорусски морализующего характера брошюры (они, однако, не были напечатаны), а в сборнике „Piosńki wieśniacze” 1844 г. поместил десятка три своих белорусских стихотворений, написанных в подражание народным песням. Стиль был выдержан Чечотом столь удачно, что эти пьески неоднократно перепечатывались разными этнографами в качестве чисто народных.

Все эти пробы поместить украдкой в печати несколько белорусских вещей завершились появлением в 1846 г. пьесы „Sielanka” В. Дунина-Марцинкевича, написанной отчасти по-польски, отчасти по-белорусски (для цензуры названа польской). Вслед за этим бдительность цензуры усилилась, и в истории белорусского печатного слова наступил десятилетний антракт. Но, конечно, рукописная литература продолжала развиваться, хотя ее облик сильно изменился. Уже отмерла та часть ее, которая служила для повседневного практического обихода сельской шляхты и городского мещанства. На передний план выдвинулись произведения стихотворные, очень часто юмористические. Их слабость объясняется бесцельностью их существования: безграмотный народ этих произведений не мог знать, для интеллигенции же они не были хлебом

⁸ Тот же Рыпинский сочинил нравоучительную поэмку „Niaczyścik”, выдержавшую за границей три (?) издания. Нехитрая по замыслу, она написана недурным белорусским языком.

⁹ Например, под видом народных и т. п.

духовным, а лишь простым привеском к литературе польской или великорусской. Подчеркиваем это, так как подобное положение вещей продолжалось до самого последнего времени и наложило глубокую печать на все прошлое белорусской литературы; горе ее заключалось в том, что у нее не было ни читателей, ни писателей, — были лишь любители белорусской словесности. Впрочем, это не мешало появляться довольно интересным белорусским произведениям. Отметим среди рукописей 40-х годов остроумную шуточную поэму „Тарас на Парнасе“, содержащую, между прочим, выпады против Греча и Булгарина. Написанная бойко, хорошей белорусской речью и безукоризненным стихом, она впоследствии приобрела широкую популярность и переиздавалась десятка полтора раз. Еще более интересного находим мы на рубеже шестидесятых годов, во время эпохи „великих реформ“. За истекшие 10 лет жизнь в Белоруссии сильно эволюционировала, демократизировалась, что не могло не отразиться на белорусской литературе. Эта последняя росла, развивалась, и период общественного подъема был периодом подъема и для нее. Лишь только начались послабления, вызванные севастопольской войной, как она выдвинулась вперед во главе с уже упомянутым В. Марцинкевичем.

Родился он в 1808 г. в семье мелкого арендатора, детство провел на родине, в Бобруйском уезде Минской губ. Затем, окончив в Бобруйске среднеучебное заведение, некоторое время пробыл в Виленской базилианской коллегии и в Петербургском университете. Уйдя из последнего, долго служил в различных минских канцеляриях, пока в 1858 г. не кинул службу и не обосновался в еще раньше купленном имении Люцинке (под Минском), где и умер в 1885 г.

К первому произведению Марцинкевича, пьесе „Sielanka“, знаменитый Монюшко написал музыку, и в 1852, 1853 и 1855 гг. эту пьесу ставили с большим успехом в Минске, что вновь проложило белорусской речи дорогу из деревни в город. Вслед за этим начинает печататься целый ряд белорусских поэм Марцинкевича¹⁰, которые обрываются на 1859 г., так как цензурный досмотр к тому времени уже усилился и переведенные Марцинкевичем две первые песни „Пана Тадеуша“ по выходе из типографии были конфискованы. С тех пор он уже ничего

* БелСЭ дае іншыя даты нараджэння і смерці В. І. Дуніна-Марцінкевіча: 1807 — 1884 (заўвага рэд.).

¹⁰ „Нарон“ (1855 г.), „Wieczernice“ (1855 г.), „Купаля“ (1856 г.) в книге „Ciekawys? — Przeczytaj!“, „Sčeroŭskije dažynki“ и „Wiersz Nauma Pryhaworki“ (1857 г. в книге „Dudars Białoruski“), „Pan Tadeusz“ (1859 г.), две первые песни. Ныне все переиздано.

не печатал, хотя и продолжал писать: нам известно его стихотворение „Весна голод перапала“ и четыре комедии.

Писатель грузный и тяжеловесный, сосредоточившийся исключительно на эпосе, Марцинкевич писал стихом неизящным и неповоротливым, сплошь отступающим от требований белорусской просодии (влияние польских образцов). Можно даже сомневаться, был ли он вообще поэтом. Характерно, например, что, проведя значительную часть своей жизни в деревне, он совсем не чувствовал природы и не дал ни одной картинки ее, хотя описывал исключительно сельский быт. Впрочем, ему нельзя отказать в знании белорусской деревни и в некотором изобразительном таланте, а изредка и в бойкости письма. На более полно эти достоинства проявились в первой песне поэмы „Нарон“, сохранившей и доселе известный интерес. Однако заслуги Марцинкевича перед белорусской литературой лежат все же не в области художественных достижений, а в области чисто исторической. Они в том демократизме, который веял от сентиментально-народнических поэм Марцинкевича, в той гуманизаторской тенденции, которая явственно проступает из каждой их строки и которая была по своему времени очень не лишней. Наконец, отметим, что, много писав и много печатав, он возбуждал вокруг своих произведений разговоры и полемику, напоминал о существовании белорусского языка и зародышей белорусской литературы, наводил на вопрос о возможности их дальнейшего развития. Неудивительно поэтому, что он стал центром белорусского писательского кружка, в составе которого были лица, обладавшие гораздо более крупным талантом.

Из них прежде всего следует упомянуть богато одаренного „краевого“ поэта Владислава Сырокомлю (Кондратовича), некогда популярного и в России. Известный исключительно своими польскими произведениями, он, однако, много писал и по-белорусски¹¹, но не мог закрепить в печати эту последнюю сторону своего творчества (за исключением революционного стихотворения „Заходзіць сонца“). Все его белорусские рукописи и поныне ждут своего издателя. Киркор указывал, что песни Сырокомли теперь поются в Белоруссии наряду с народными. Немало белорусских стихотворений оставил и талантливый последователь Сырокомли польский поэт Винцук Коротынский; однако они, за исключением одного, не были напечатаны. Еще больше писал по-белорусски Артем Верига-Даревский, нигде не печатавшийся. Из крупнейших его произведе-

¹¹ Например, либретто для оперы известного музыканта Лопатинского и проч.

ний известны перевод „Конрада Валенрода” Мицкевича, поэма „Братом ліцвінам”, юмористические повести „Паўрот Міхалка”, „Быхаў”, „Гутарка з пляндроўкі на зямлі Латышскай” и т. д. Современники ставили их очень высоко. Продолжая обзор, укажем, что упомянутый уже нами известный местный ученый А. Киркор писал для народа популярные белорусские брошюры, но напечатать их не имел возможности. Точно также почти не печатались, хотя и писали на белорусском языке, поэты Ялеги Франциш Вуль, Н. Короткевич, Юлиан Лясковский, Якуб Т-ки, Юлиан Мрочек и мн. др. Не вдаваясь в детальную оценку их творчества, подчеркнем все же, что со времени сороковых годов белорусская письменность значительно продвинулась вперед. Кругозор ее, бесспорно, расширился. Жизнь белорусской деревни, скромные сельские пейзажи, простые человеческие чувства и переживания, немудрая шутка — все это нашло себе место на ее страницах. Столь же обычными стали демократические и национально-белорусские тенденции, достигавшие иной раз яркости и остроты исключительной. Наконец, эволюционировала сама форма произведений, хотя отсутствие у белорусских писателей достойных образцов сказывалось очень ощутительно.

Был использован в эту эпоху белорусский язык и для целей чисто практических. В 1862 г. вышел „Elementarz dla dobrych dzieciok Katolickou” (Варшава), употреблявшийся в частных сельских школах. Появились и белорусские издания, исходившие из правительственных кругов¹². Польские повстанцы 1863 г. в свою очередь выпустили ряд изданий на белорусском языке. Таковы „Мужыцкая праўда”, „Гутарка старага дзеда”, „Перадсмертны разговор пустэльніка Пятра” и т. д. К. Калиновский издавал в Белостоке даже белорусскую газетку „Нітarka” (стихотворную), подписываясь псевдонимом „Яська гападар з-пад Вільні”. Тогда-то возник интерес к белорусам и среди русского общества. „Мы виновны перед вами... Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии”, — писал славянофильский „День” и проектировал издание газеты на белорусском языке. Однако газета не появилась, а правительство официально воспретило белорусские театральные представления и белорусские книги, за исключением этнографических. В результате белорусская литература была снова придавлена, снова обречена на прозябание в рукопи-

¹² „Рассказы на белорусском наречии” (1863 г.), изд. Виленского учебного округа, „Бяседа старага вольніка з новымі пра іхнае дзела”, Могилев, 1861 г., издано по распоряжению губернатора. Книжка разясняет отмену крепостного права. На ту же тему написаны два огромных стихотворения Блуса в „Могил. Губ. Ведом.”, 1861 г.

сях. В таком состоянии она просуществовала целых пятнадцать лет¹³.

За это время Белоруссия сильно эволюционировала. В ней появилось новое поколение интеллигенции, выросшее под знаком народничества, знакомившееся с социализмом и кое-когда вновь обнаруживавшее зачатки белорусского национального самосознания. Сильно развилась белорусская этнография. Появился ряд сборников народного творчества, составленных Гильфердингом, Дмитриевым, Бессоновым, Шейном, Дембовецким, Романовым и т. д. Был издан белорусский словарь Ив. Носовича, емкостью в 30 тыс. слов. Росла и белорусская рукописная беллетристика, продолжали работать многие прежние писатели, к ним присоединился ряд новых, — например, Хвэлька из Рукшениц (Феликс Топчевский), витебчанин, из многочисленных стихотворений которого считаются лучшими „Гаспадыня”, „Саўсім не тое, што было”, „Вечарынка” и т. д.; Ольгерд Обухович, живший в Слуцке и оставивший кроме массы оригинальных стихотворений переводы из Мицкевича, Сырокомли, Лермонтова; Апанас Кисель, могилевец, писавший прозу и стихи; Ян Шемет-Полочанский, Егальковский и проч.; в социалистическом духе писал Адам Гуринович (в начале 90-х годов).

К концу 80-х годов белорусские произведения стали вновь появляться в печати на страницах местных газет, „Календаря Северо-Западного Края” и даже отдельными книжками. Был перепечатан, например, „Гапон” Марцинкевича, вышел ряд изданий „Тараса на Парнасе” и т. д. Из новых произведений, печатавшихся в то время, отметим шуточную поэму Шункевича „Сцяпан і Таццяна” и в особенности стихотворения Янки Луцины (Ив. Неслуховского). Немногочисленные, но тщательно обработанные, они выделяются своей литературностью и несомненной талантливостью. Темы их разнообразны, в содержании проступают народнические и национальные тенденции. Эти тенденции могли уже найти себе отклик среди местной интеллигенции, особенно среди народнических кружков, белорусских студенческих землячеств и т. п. Одно из них (московское) перевело и издало в 1891 г. рассказ Гаршина „Сигнал”. Около того же времени группа белорусов-социалистов начала выпускать нелегальную газету „Гоман”. В том же 1891 г. в Галиции вышла книжка стихотворений Мацея Бурачка „Дудка беларуская”, а в 1894 г. в Познани сборничек Симо-

¹³ В течение их появились в печати лишь книжечки „Пра багацтва ды беднасць” (Женева, 1881, пер. с украинского), „Pan Tadeusz”, пер. А. I., ч. I, 1882 г., и несколько белорусских сценок Гр. Кульжинского (в 70-х годах).

на Ревки „Смык беларускі”. И то и другое принадлежало перу интересного белорусского деятеля Францишка Богушевича.

Родился он в 1840 г., учился в Петербургском университете, был в Белоруссии народным учителем. Принимал участие в восстании 1863 г., был ранен. Окончив затем в Нежине юридический факультет*, занимался судебной деятельностью в разных местах России, а под конец жизни — в Вильне. Умер Богушевич в 1898 г.** Его произведения, глубоко проникнутые национальным и демократическим духом, не блещут изяществом отделки, но зато отличаются большой энергией выражения. Стих его прост и суров; изредка эта суровость сменяется юмором. В предисловиях к своим книжкам Богушевич едва ли не первый явился проповедником всестороннего национального возрождения белорусов, доказывая, что они представляют отдельный, самостоятельный народ.

В тех же девяностых годах выступил с рядом русифицированных белорусских рассказов не лишенный таланта А. Пщелко¹⁴, а вслед за ним М. Н. Косич (перев. басен Крылова, рассказ „На перасяленне” и т. п.). Одновременно с ними напечатал ряд популярных брошюр А. Ельский. Были и еще кое-какие издания. Так белорусская литература вошла в XX столетие.

К этому времени в крае появился целый ряд национальных и политических течений и организаций. Начали возникать подобные же белорусские кружки. Один из них сыграл в белорусском возрождении большую роль, породив умеренное „Общество белорусского народного просвещения” и „Беларускі рэвалюцыйны саюз”, возникшие в 1902 — 1903 гг. Первое проявило себя изданием журнальчиков-однодневок „Калядная чытанка”, и „Велікодная чытанка”. Из других фактов „культурнической” деятельности отметим издание сборничка стихотворений Я. Лучины „Вязанка” (для цензуры назван болгарским); выпуск в Кракове нескольких переводных брошюр Конопницкой, Ожешковой, Сенкевича („Wiedźma”, „Janka muzыkant” и т. д.); устройство в Минске, Петровщине, Карлсберге театральных представлений (под флагом украинских) и т. п. В то же время „Бел. рэв. саюз”, вскоре переименованный в „Беларускую сацыялістычную грамаду”, издал при содействии PPS ряд брошюр и воззваний, например, „Хто праўдзівы прыяцель беднага народу”, „Гутарка аб тым, куды му-

* Юрыдычны ліцэй — у 1868 г. (заўвага ред.).

** Памёр Ф. Багушэвіч у 1900 г. (заўвага ред.).

¹⁴ Собраны в книгах „Очерки и расск. из жизни белор. деревни”, 1906 г., и „Очерки и расск. из жизни Белоруссии”, 1910 г., 2 изд.

жыцкія грошы ідуць”, „Песні” и пр. В таком составе белорусская литература очутилась на грани событий, начавших историю всех народов России с красной строки.

III

1905 г. является вехой, отмечающей точку перелома в истории белорусского возрождения. События, связанные с этим годом, создали в народных массах стремление разобраться в окружающей жизни и вызвали лихорадочный спрос на идеологические ценности. Писать для этого массового читателя было необходимо прежде всего просто и понятно, так что сама собой являлась мысль обратиться к белорусскому языку. Появились издания „Беларускай сацыялістычнай грамады”, печатались по-белорусски воззвания и некоторых других партий¹⁵, появилась и беллетристика с яркой политической окраской. Среди этой последней отметим сборнички стихотворений „Скрыпка беларуская” и „Хрэст на свабоду”. Из агитационных брошюр БСГ можно назвать: „Чы будзе для ўсіх зямля”, „Што такое свабода”, „Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеце”, „Як мужыку палепшыць сваё жыццё” и т. п. Наконец, на исходе 1906 г. в Вильне появилась первая легальная белорусская газета „Наша доля” ярко радикальной окраски. На седьмом номере она была закрыта. Однако в это время уже начал выходить новый еженедельник „Наша ніва” (Вильна), державший более умеренного направления и сосредоточивший на себе все белорусские национальные чаяния. Еще раньше группа белорусов, проживавших в Петербурге, основала издательское товарищество „Загляне сонца і ў наша аконца” и принялась за выпуск учебников, произведений некоторых новых, а также и старых белорусских писателей (Бурачка, Марцинкевича, Купалы) и т. п. Эта культурная деятельность как петербургских, так и виленских белорусов нашла себе сочувственный отклик и поддержку. Волна общественного возбуждения к этому времени уже схлынула, и Россия вступила во всем еще памятную полосу реакции. В эту пору „Наша ніва” вела неустанную просветительную работу. Ставя своей целью всестороннее возрождение белорусской народной культуры и, следовательно, твердо стоя на определенной демократической позиции, она пробила себе дорогу в самые глухие уголки Белоруссии, в самые темные слои населения. Для многих тысяч людей она явилась первой газетой, прочитанной ими, первым источ-

¹⁵ Из нереволуционных изданий назовем брошюры „Аб чым у нас цяпер гамоняць”, Борисов, 1906 г., 2 изд. и „Hutarka ab tom, jakaja maje byc Ziamlja i Wolja”, 1906 г., стихотворный рассказ г. А. У.

ником знания, не носившего казенной печати, изложенного простым и ясным языком. К белорусскому крестьянину, жившему с мыслью, что он — хам, а его „мова” — хамская, „Наша ніва” печатно обратилась на этой „мове”, вызывая в нем тем самым уважение и к ней, и к себе самому, пробуждая в нем чувство собственного достоинства. В белорусском крае, истерзанном национальной борьбой, „Наша ніва” неустанно напоминала о необходимости чтить права каждого народа, ценить всякую культуру и, закрепляя свои национальные устои, широко пользоваться приобретениями культуры как польской, так и великорусской и украинской. Это, а также и многое другое, следует постоянно иметь в виду, учитывая значение скромной еженедельной белорусской газетки, размером в один печатный лист.

Вот уже девятый год работает „Наша ніва” в этом направлении. Она подвергалась неоднократным конфискациям, редактор отсиживал в тюрьме, воспрещалось чтение ее и для военных, и для духовенства, и для народных учителей, и для учеников учительских семинарий, и еще для целого ряда лиц. Субсидируемая русская пресса травила ее, утверждая, что она издается на польские деньги для ослабления в крае великорусских позиций и для подготовки почвы к ополячению его. В свою очередь органы польского шовинистического национализма видят в ней тонкое средство для обрусения белорусокатоликов, созданное на деньги казны. Но все это не сломило энергии издателей „Нашай нівы” и не смогло задержать развитие белорусского движения. В настоящее время „Наша ніва” идет в крестьянство, как ни один орган целого края. Со всех сторон в нее льются писанные неискусной рукой крестьянина-белоруса корреспонденции, стихи, рассказы, статьи. Разросшийся сельскохозяйственный отдел привел к возникновению специального ежемесячника „Саха” (Минск, 3-й год изд.). Для белорусокатоликов издается латинским шрифтом еженедельник „Biełarus”¹⁶ (Вильна), для белорусской молодежи — ежемесячник „Лучынка” (Минск), для интеллигентных читателей — литературно-публицистические сборники „Маладая Беларусь” (С.-Петербург)¹⁷. Пять лет, как уже выходит „Беларускі календар „Нашае нівы” (10000 экз.), получивший на сельскохозяйственных выставках ряд медалей и похвальных

отзывов, а со стороны прессы — даже черносотенной — самую высокую оценку. Наконец, на еврейском языке выходит журнал „Литва” (Вильна), специально посвященный литовскому и белорусскому возрождению. Основан целый ряд книгоиздательств („Загляне сонца і ў наша аконца”, „Наша Хата”, „Палачанин”, „Беларускае выдавецкае таварыства” и т. д.), выпустивших уже немало книг, число экземпляров которых превышает четверть миллиона.

Однако литературной производительностью белорусское движение, конечно, не исчерпывается. Следует отметить, например, возникновение в Вильне белорусского музыкально-драматического кружка, занявшегося развитием белорусской сцены, песни, музыки, танца. Не ограничиваясь выступлениями в Вильне, труппа кружка с большим успехом объездила всю Белоруссию, побывав едва ли не в каждом сколько-нибудь крупном городском или сельском центре. Нередки и самостоятельно организованные сценические представления на местах, встречающиеся все чаще и чаще. В заключение упомянем о возникновении научных кружков для исследования Белоруссии (С.-Петербург, Нов. Александрия), о собирании белорусского национального музея, об основании собственных книжных магазинов, подготовительной работе к устройству белорусских школ (неофициальных) и проч., и проч. Благодаря всему этому белорусский язык начинает проникать в обиход культурного общества; им, например, пользуются при торговых сношениях, при устройстве выставок, для костельной проповеди и т. п. Но главное значение всего описанного состоит не в этом. Оно состоит в рождении белорусской народной интеллигенции, вызванной к жизни событиями 1905 г. и формировавшейся под влиянием неустанных усилий белорусских изданий дать ей возможность стать на ноги. Теперь она, наконец, выросла и окрепла. Крестьянин с особой духовной закваской, рабочий, иной раз народный учитель — вот кто входит в ее состав. Все это люди дела, а не слова, люди, являющиеся неразрывной частью народа, не перерезавшие соединительной пуповины между ним и собой. С другой стороны, это люди, для которых только один язык дорог, близок и понятен — язык белорусский. Это люди, которые не делают над собой насилия, не стесняют работу своей мысли, обращаясь к нему, а напротив, ступают тем самым на нахоженную тропинку, хорошо наезженную колею. Опираясь на эту интеллигенцию, белорусское движение начинает чувствовать под собою прочный грунт. Ибо она-то и является основным читательским ядром для белорусских изданий, она же несет на своих плечах крупнейшую часть и самой писательской работы. Чтобы предста-

¹⁶ Его клерикальный характер является некоторым диссонансом в белорусской печати. Впрочем, „Biełarus’y” не чужды ни национальные, ни демократические тенденции ее, хотя проявляются они у него в более умеренной форме.

¹⁷ В 1914 г. начал выходить орган белорусского студенчества „Раніца”. Появились однодневки: в 1912 г. в Вильне „Крапіва” (юмор.), а в конце 1914 г. там же другая однодневка (для помощи жертвам войны).

вить себе, какой массовый характер имеет это участие народной интеллигенции в литературе, достаточно узнать, что одна „Наша ніва” в 1910 г. поместила 666 корреспонденций из 320 мест, 69 рассказов 30 различных авторов, 112 стихотворений 24 поэтов и ряд публицистических статей, принадлежащих, помимо сил самой редакции, перу 32 лиц. Присмотримся же ближе к наиболее видным представителям этой литературы, интересной не только тем, что она идет в народ, но и тем, что она идет из народа.

* * *

До сих пор в белорусской литературе, как это постоянно встречается у начинающих возрождаться народов, главную роль еще продолжает играть поэзия. Здесь прежде всего обращает на себя внимание фигура Янки Купалы, писателя с крупными достоинствами, хотя и носящими несколько односторонний характер. Первоначально рабочий на деревенском винокуренном заводе, Купала сразу же выдвинулся своею первою книгою стихов („Жалейка”, 1908 г.) и с тех пор продолжает приковывать к себе внимание белорусского читателя. Правда, необработанные, хаотические стихи „Жалейки” производят впечатление скорее своими темами, всегда ярко гражданского направления, чем довольно слабыми художественными достоинствами. Однако уже в этой книге некоторые места заставляли видеть в Купале богато одаренного поэта, лишь не умеющего использовать как следует свой незаурядный талант. „Адвечная песня” — лирическая драма, вышедшая в 1910 г., — еще определеннее указывала на талант Купалы. Находясь в несомненной идейной связи со стихотворениями „Жалейки”, она, бесспорно, художественнее их и оставляет благодаря своей цельности и выдержанности более глубокий след в душе читателя. Изданный в том же 1910 году сборник стихов „Ніслаг” показал, кроме того, что дарование Купалы способно эволюционировать, расширять круг своих тем, совершенствовать свои творческие приемы. Однако в полной мере это сказалось лишь в последней, лучшей книге неуклонно развивающегося белорусского поэта, а именно в сборнике „Шляхам жыцця” (1913 г.). Кроме того, перу Купалы принадлежат „Паўлінка”, драма из сельской жизни, написанная хорошей прозой, и лирическая драма „Сон на кургане”; изданы они сравнительно недавно.

Необыкновенная ритмичность — вот главная, всеподчиняющая особенность Купалы. Его буйные, стремительные ритмы захватывают, гипнотизируют читателя, не дают ему задержаться, опомниться, покоряют его своей властью. Ими обуслов-

лены и все достоинства, равно как и недостатки разбираемых стихов. Богатство рифм, ярких и полнозвучных, звенящих не только на конце, но и посредине строк, удивительно звучный подбор слов, энергия выражений — все это характерно для поэзии Купалы. Но характерно для нее и отсутствие точности эпитета, ясности фразы, четкой оформленности самого стихотворения в целом, ибо все это приносится в жертву звучности и ритмичности. Лишь в последние годы деятельности Купалы эти недостатки начали исчезать, и в лице его начал вырисовываться не только „божией милостию поэт”, но и умелый мастер своего дела, расширяющий круг своих тем, форм и стилей, искусно работающий над общей архитектурой произведения, конструкцией строфы, комбинациями рифм и т. п.

Несомненным талантом обладает и Якуб Колас, бывший народный учитель, печатающийся по-белорусски еще с 1906 г. Книжка его стихотворений „Песні жалбы” вышла в 1910 г., а позднейшие произведения разбросаны на страницах различных белорусских изданий. Многими сторонами своего творчества он напоминает Никитина. Это писатель простой, спокойный и всегда себе равный. Нет у него чего-нибудь особенно сильного, яркого, неожиданного, но нет и слабого, никчемного. Стих его не блещет крупными достоинствами, но всегда старательно обдуман и умело обработан. Крестьянская жизнь, ее тяжесть, поэзия труда, сельские пейзажи, национально-гражданские мотивы, тюремное одиночество¹⁸, — этим и ограничивается весь кругозор его скромной поэзии. Но столько в ней любви к родному краю, столько неподдельного, тихого лиризма, что становится вполне понятной популярность Коласа среди белорусских читателей.

В обзорах белорусской литературы к именам этих двух поэтов принято присоединять и мое. Часть принадлежащих мне стихотворений составила вышедший в 1913 г. сборник „Вянок”. Конечно, с моей стороны уместна лишь характеристика, но не оценка их. Отмечу поэтому, что мое творчество было направлено главным образом на расширение круга тем и форм белорусской поэзии.

Из других белорусских поэтов в самостоятельную величину начинает вырабатываться Алесь Гарун (крестьянин, столяр), нашедший свои особые ритмы и время от времени радую-

¹⁸ Колас пробыл три года в тюрьме за участие в „Белорусском учительском союзе”.

ший нас изящной оригинальностью стиха¹⁹. Резко индивидуальную физиономию имеют немногочисленные произведения К. Каганца²⁰ (лесник), от которых веет языческой Русью. Довольно своеобразны и хороши изредка появляющиеся стихотворения Тетки (М. Крапіўка), близкие многими своими сторонами к народному творчеству. На темах, касающихся любви, сосредоточилась К. Буйло („Курганная цветка”), пишущая не очень яркие, но гладкие стихи. В юмористическом роде работает А. Павлович (сб. „Снапок”, 1910 г.). Упомянем еще Будьку, Гурло (крестьянин), Т. Гартного (рабочий-кожевник), Ф. Чернышевича (крестьянин), Л. Лобика (крестьянин), Янука Д. (крестьянин), К. Орла (народный учитель), Я. Журбу (народный учитель) и т. д. Внимательный читатель найдет много интересного в их не всегда искусной, но всегда безыскусственной поэзии, темы которой продиктованы окружающей жизнью.

* * *

Переходя к беллетристам-прозаикам, остановимся прежде всего на Ядвигине Ш. Сын мелкого землевладельца, он еще в конце 80-х годов принимал участие в белорусском движении, будучи студентом Московского университета. Исключенный оттуда за участие в студенческих волнениях, вернулся на родину и начал писать по-белорусски (ком<едия> „Злодзей”, расск<аз> „У судзе” и т. п.). Когда окрепла белорусская печать, писательская деятельность Ядвигина Ш. развилась шире, и он быстро завоевал себе популярность среди белорусских читателей. Произведения его собраны в книжках „Дзед Завала” (поэма, 1909 г.), „Бярозка” (сб. расск., 1912 г.), „Васількі” (сб. расск. 1914 г.).

В творчестве Ядвигина Ш. преобладают небольшие рассказы басенного склада, обычно содержащие в себе простое или упрощенное решение какой-либо житейской проблемы. Соответственно этому Ядвигин Ш. широко пользуется аллегорией и охотно обращается при выборе действующих лиц к миру животных. Но он так знает и любит этот мир, так умело и метко подбирает черты для характеристики своих героев, что все его звери и птицы становятся вполне индивидуальными фигурами. Неподдельный юмор и достоинства языка, всегда живого и колоритного, еще более скрашивают рассказы Ядвигина Ш. Наконец, есть у него несколько вещей и патетического харак-

тера, намекающих новую сторону в таланте этого своеобразного писателя.

Еще сильнее сказался патетический элемент в произведениях Власта. Крестьянин-самоучка, с раннего детства принужденный вести тяжелую борьбу за кусок хлеба, он сумел достигнуть разностороннего образования и развить свое тонкое чувство красоты. Как это на первый взгляд ни удивительно, Власт начал с произведений, написанных в духе польского модернизма. Впрочем, посторонние влияния вскоре исчезли, и талант Власта обнаружил свое истинное лицо. Он не плодовит, но его немногочисленные рассказы всегда полны чувства глубокого и волнующего, мысли тревожной и значительной, всегда отличались редкостным разнообразием тем и стилей.

Т. Гушча изображает в своих очерках повседневную жизнь белорусской деревни. Неглубокие по замыслу, они отличаются правдивостью и естественностью рисунка, оживленностью диалога, льющегося всегда легко и свободно. Умеет Т. Гушча найти и трогательные, и прочувствованные слова, и окрашенные юмористическим колоритом. Часть его рассказов собрана в книжечках „Т. Гушча. Апавяданні”. (1912 г.), „Прапаў чалавек” (1914 г.), „Нёманаў дар” (1914 г.), „Тоўстае палена” (1914 г.), „Родныя з’явы” (1914 г.).

Своеобразны рассказы З. Бядули, частью вошедшие в сборник „Z. Biadula. Abrazki” (1913 г.). С мрачным юмором изображает он невеселую белорусскую жизнь и стремится уйти от нее в фантастический, сказочный мир. Именно как фантаст и интересен З. Бядуля. Полны глубокого, потрясающего чувства и истинного символизма рассказы безвременно погибшего С. Полуяна († 8 апр. 1910 г.). Лирическим подъемом отличаются и немногочисленные вещицы П. Простого („Якім Бяздолыны”, 1914 г.), написанные сильным, взволнованным языком, приближающимся к стихотворной речи. Бойко и живо сроботаны рассказы Голубка, проникнутые незатейливым юмором. Из других беллетристов назовем Н. Новича, Лёсика, Живицу и проч. Наконец, в сфере публицистики и критики, а иной раз и научной работы много сделали инициатор и руководитель „Нашай нівы” А. Новина, местный экономист А. Власов, уже упомянутый нами Власт (книга „Гісторыя Беларусі” и ряд статей), Ив. Луцкевич, критик и библиограф Р. Земкевич, А. Бульба, С. Полуян, И. Маньковский, Ю. Верещака, Л. Гмырак, Максим Белорус, иначе Максим Горецкий („Рунь”, 1914 г.) и мн. друг. Характеристика каждого из них в отдельности затруднительна, но не упомянуть о них нельзя. Ведь именно благодаря их стойкости и самоотвержению белорусское движение, нашевшее ныне твердую опору в широких кадрах народной ин-

¹⁹ За последнее время выдвигается вперед г. Ясакар — поэт со стихом выразительным и энергичным, но несколько риторическим.

²⁰ См. выше.

теллигенции, выдержало всю тяжесть первых годов своего существования, приобрело свой теперешний идейный облик и некрупными, но глубокими, нестираемыми буквами врезало свое имя на скрижалях мирового прогресса.

POSTSCRIPTUM

Очерк мой, написанный в июле 1914 г., заканчивается как раз тем моментом, вслед за которым разразилась война. В Белоруссии ее влияние было гораздо более ощутительным, чем в центральной России. Это сказалось и на белорусском движении: его главная опора, национально-сознательная молодежь, оказалась под ружьем, в выходе некоторых органов печати создался перерыв, издание книг приостановилось, прекратились шаги к созданию белорусского научного общества и т. п. Ныне это глухое время приходит к концу, и мы, оглядываясь на него, можем отметить несколько достойных внимания явлений, обозначившихся более или менее ясно.

Еще раньше в белорусской печати указывались такого рода факты, как получение торговыми фирмами корреспонденции на белорусском языке, возрастающей с каждым годом, или как издание ими по-белорусски прейскурантов, появление белорусских каталогов на кустарной выставке и т. п. Очевидно, уже начинало формироваться сознание, что белорусская речь может по праву войти в местный общественный оборот.

Во время войны наличность такого сознания сказалась более определенно. В вызванных ею общественных организациях (Вильна, Минск) представителям белорусского движения было отведено место наряду с представителями остальных национальных формаций этого многоплеменного края; всякого рода воззвания, отчеты, извещения этих организаций печатаются на пяти местных языках, в том числе и на белорусском; на пяти же языках были изданы в Вильне в день благотворительного сбора газеты-однодневки, среди них — белорусская. Все это показывает, что в сознании местного общества белорусский народ не *tabula rasa**, а самостоятельная национальная величина, белорусское же движение — живая культурно-общественная сила. Вот один из результатов белорусской национальной работы, который вскрыт войной и который мы желали бы подчеркнуть.

[1914]

Друкуецца па брашуры „Белорусское
возрождение”. М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1916.

* 3 лац.: чыстая дошка (заўвага рэд.).

ЗМЕСТ

Прадмова	3
Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI стагоддзя	6
Белорусское возрождение	12

V-1 300